

ные события и войны.¹² Однако не комета, конечно, была причиной появления десятков пророков и широкого распространения хилиастических взглядов. Корни этого явления следует искать в резком ухудшении положения крестьянства и низших слоев городского сословия в конце XVI—начале XVII в., в религиозном гнете и, наконец, в турецкой опасности. Пророчества этого периода были своеобразной, но весьма действенной формой политической агитации, причем политическая и социальная физиономия «пророков» в каждом отдельном случае вырисовывалась совершенно отчетливо.

Видения усердно переписывались, распространялись в форме «летучих листов», издавались и переиздавались на многих языках, в том числе и на чешском. Главным сюжетом тех из них, которые возникли в реформационных кругах и относились к Чехии, был Фридрих Пфальцский, глава евангелической Унии и чешский «зимний король». Одним из первых ясновидцев — сторонников Фридриха был Христоф Коттер, неграмотный силезский немец. В 1628—1629 гг. выступила Кристина Понятовская, дочь видного деятеля общины «чешских братьев»; позднее — братский священник Микулаш Драбик и сын пражского горожанина, лешенский житель Штепан Мелиш.¹³

Со всеми этими ясновидцами был тесно связан Ян Амос Коменский. Более того, именно ему они обязаны европейской известностью: ¹⁴ Коменский перевел на чешский ¹⁵ и на латынь видения Коттера, с которым он познакомился в 1625 г., во время поездки в Польшу по делам братской общины. В 1626 г. в Гааге Коменский преподнес Фридриху Пфальцскому превосходно выполненный список пророчеств силезского ясновидца (Фридрих знал Коттера еще по Вроцлаву, где последний рассказывал курфюрсту о своих видениях в 1620 г., вскоре после Белой Горы).

Пророчества Кристины Понятовской Коменский записал, так сказать, из первых рук — от самой Кристины. Вместе с видениями Коттера и Драбика он издал их в 1657 г. на латыни в книге «Lux in tenebris» («Свет во тьме»). Видения Штепана Мелиша (первое датируется весной 1655 г.) Коменский также перевел на латынь, снабдил примечаниями и выпустил под названием «*Visiones nocturnae Stephani Melisch Pragensis. . .*» (1659 г.). Впоследствии было издано десять специальных прибавлений к «*Visiones*», по мере того как Мелиш посылал в Амстердам изложение своих видений, которые, кстати, продолжались и после смерти Коменского.

В пророчествах Коттера, Драбика, Понятовской, Мелиша совершенно отчетливо чувствуется политическая подоплека: «пророки» не только считаются с европейской ситуацией, но и прямо основывают свои предсказания на событиях Тридцатилетней войны. Весьма показательно, что и современники чешских «пророков» оценивали их видения как факт политической борьбы. Предисловие к «Свету во тьме» — чрезвычайно интересное и недвусмысленное доказательство того, что в пророчествах Коменский

¹² Josef V o l f. *Horologium Hussianum — Orloj husitský.* — *Časopis Českého Musea*, R. 86. Praha, 1912, стр. 305—312.

¹³ Многочисленная литература о пророчествах приведена Ч. Зибртом: *Čeněk Z í b r t. Bibliografie české historie, díl 5.* Praha, 1912, стр. 544 и сл. (здесь же указаны погодные списки литературы).

¹⁴ О связях Коменского с этими ясновидцами, об изданиях их пророчеств и тому подобном см., например, в кн.: J. V. N o v á k — J. H e n d r i c h. *Jan Amos Komenský. Jeho život a spisy.* Praha, 1932.

¹⁵ По-чешски видения Коттера были изданы уже в конце 20-х годов XVII в., см.: Josef V o l f. *Křístofa Kottera Vidění a zjevení. České vydání.* — *Časopis Českého Musea*, R. 85. Praha, 1911, стр. 209—222.